

СРОДНИ КУМАЧУ

С ЭТИМ редкостным человеком, будто сошедшим с фотографии второго советского Первомаея, я познакомился всего десять дней назад в торжественных залах музея Ленина на актовом сборе курсантов. И вот мы сидим в его тихой комнате на Малой Бронной, а перед нами та самая фотография: на первом плане — радостно высветленный Ильич, встречающий кумачовую Москву; на втором плане — напряженная фигура красногвардейца Александра Брянского, гимнастерка наглухо, фуражка со звездой на глаза, напряженно-скуластое лицо. «Сколько вам здесь?» — «Тридцать семь». — «Значит?..» — «Да, теперь уж сто два...»

Признаться, испытываешь некоторое головокружение от этой сверхвековой высоты, ощущая товарищеское рукопожатие человека, который всего лишь на двенадцать лет моложе Ленина. Изумляет не сам по себе этакий геронтологический феномен, а то, что рядом — боец всех трех наших революций. На его глазах восставший «Потемкин» поднимал алый флаг на рейде. Он встречал Ильича у Финляндского вокзала и слышал его речь с броневика. В революционных колоннах шел на штурм в Октябре. С юных лет он называл себя красным — Саша Красный, — под таким именем узнавали его и в литературе, и на революционной работе, под таким именем знал его и Владимир Ильич.

Повесть его жизни можно слушать без конца. Один только этот фотокадр — кульминация целой приключенческой ленты. Еще за месяц до Первомаея Саша Красный за сотни километров от Кремля схвачен украинскими бандитами и идет на расстрел, сумбурно подводя итог своей мятежной жизни. Лишь чистой случай — вдруг появившийся поезд — отвлек бандитов от расправы. Добравшись к себе, в штаб Подвойского, он находит телеграмму от Дзержинского: срочно вызывают в Москву — как выяснилось — для усиленной охраны Ленина на праздничной площади. И вот стоит Саша Красный в двух шагах

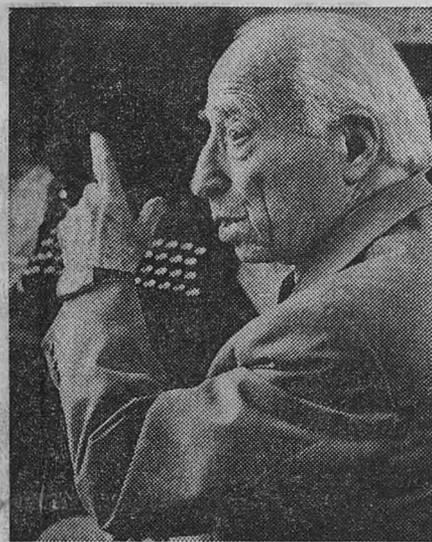
от Ленина, до боли сжимая револьвер в левом кармане, и буквально пронзает взглядом каждого, кто приближается или вдруг поворачивается к вождю. А Владимир Ильич — беспечен, радушен, улыбчив, сам тянется к знакомым и незнакомым — ко всем этим счастливым людям, охваченным одним роднящим чувством солидарности.

Вывранный из тисков будничных тревожных забот, Владимир Ильич буквально лучится майской радостью. Его глубоко захватывает стремительно обновляющаяся, и не только здесь, в сердце Советской Республики, а и во всем мире, картина празднования пролетарского дня. Он знает — на его рабочем столе уже скапливаются с утра телеграммы, от которых веет порохом и нуждой: в Нижний Новгород необходимо послать два скмплектованных бронепоезда; Смоленску нужны пароходы и баржи для перевозки семян и продуктов; Питер ждет экстренных мер по снабжению фуражом... Ильич скоро поднимется на свой капитанский мостик и будет немедленно рсшать все это. Но теперь здесь, на залитой радостью площади, он всецело поглощен сопереживанием общелюдского оптимизма. Как громко сияет среди знамен, плакатов, символических фигур вышитый руками рабочих призыв ЦК: «Праздник светлой надежды стал праздником добытых и грядущих побед». Это и лейтмотив всех речей Ленина, которые он произнесет в эти минуты с высокой кумачовой трибуны, с платформы грузовика, с Лобного места.

Смена трибун на многолюдной, нерадиофицированной площади — тяжелое испытание чекистской бдительности. Зрительное напряжение не позволяет вслушаться в ленинскую речь. Но Саша Красный помнит, как говорил Владимир Ильич о будущем, каким его увидят Сашины ровесники — тридцатипятилетние, — и что в полной мере плодами трудов и жертв революционеров воспользуются самые юные из участников этого Первомаея. Внуки, мол, наши как диковинку будут рассматривать документы и памятники уходящей эпохи. Но как бы ни

была значительна историческая дистанция к коммунизму, главное сделано — здание социалистического общества заложено; «еще усерднее будут строить это здание наши дети».

Вместе с сыновьями и внуками, а теперь уж и правнуками, строит он, Александр Давыдович Брянский, рядовой революции, напутствованный Лениным, непростую нашу жизнь, строит своими руками, своим добрым талантом и удивительно светлым умом. Поэт и чернорабочий, артист и боец — сколько раз он брался то за перо, то за лопату, то за винтовку. Плоды долгих трудов его символизируются как-то и в этих тихих стенах. Полка изданных книг. Мелькнувший в шкафу выходной костюм сплошь в наградах по борту. Уникальная «галерея» портретов с дарственными признаниями от Серафимовича, Светлова, Вишневого, Шалапина, Собинова, Качалова... Дороже всего здесь — фотография с Красной площади. Под ласковым, ободряющим и вопрошающим взглядом Владимира Ильича прошел он долгим путем своей жизни, мысленно советуясь с ним, как и каждый из нас перед решающим шагом. Большой друг Саши Красного поэт Василий Казин, по великому счастью оказавшийся в тот же день —

1 мая 1919 года — на Красной площади вблизи Ленина, посвятил снимку проникновенные стихи. Александр Давыдович задушевно декламирует:

На нем — ни одной из любимых,
Не встретишь ни мать, ни родно.
Но есть он, чуть выцветший снимок,
Который я свято храню...

Александр Давыдович шутиливо хлопает себя по высокому лбу: «Ах память, молодец — моя память... — и, застеснявшись, торопится показать: — Смотрите, вот Вася!..»

Повесть его жизни можно слушать без конца... «В шестьдесят, в войну, казался себе стариком, думал: протянуть бы еще годика два, дожить до Победы. А теперь скоро в сороковой раз встретим Победу!» — «Часто ли обращаетесь к врачам?» — «Не чаще, чем мои внуки. И каждый год летом — на юге. Опять собираюсь в июле». — «Чувствуете физические перемены времен?» — «Сейчас дни бегут — не могу их уловить, не замечаю в хлопотах. В молодости жил размеренней». — «Творческие планы?» — «Хочу собрать антологию стихов Саши Красного с двенадцатого года. Написал вот стихи в эпилог...»

И снова декламирует, как бы надиктовывая... Хлопает дверь — вернулась из школы внучка-тезка: тринадцатилетняя Саша со школьными новостями.

Три века, подумалось мне, уютно уживаются под этой крышей. Век минувший — век рождения Ленина и первого Первомаея; бурный век нынешний — преобразующий век Октября; век завтрашний — коммунистический! Если маленькая Саша уродилась в деда, она встретит и сотый, и стопятидесятый советский Первомаея. И, наверное, вместе со своими детьми «как диковинку» будет рассматривать документы наших дней и, может быть, этот номер газеты, где дважды изображен на снимках ее дед.

Валентин ЧИКИН.

Фото К. Павлова.